

- Посмотрите-ка, Холмс, - сказал я. - Какой-то сумасшедший бежит. Не понимаю, как родные отпускают такого без присмотра.

Я стоял у сводчатого окна нашей комнаты и глядел вниз, на Бейкер-стрит.

Холмс лениво поднялся с кресла, встал у меня за спиной и, засунув руки в карманы халата, взглянул в окно.

Было ясное февральское утро. Выпавший вчера снег лежал плотным слоем, сверкая в лучах зимнего солнца. На середине улицы снег превратился в грязную массу, но по обочинам он оставался белым, как будто только что выпал. Хотя тротуары уже очистили, было все же очень скользко, и пешеходов на улице было меньше, чем обычно. Сейчас на улице на всем протяжении от станции подземки до нашего дома находился только один человек. Его эксцентричное поведение и привлекло мое внимание.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, солидный, с широким энергичным лицом и представительной фигурой. Одет он был богато, но не броско: блестящий цилиндр, темный сюртук из дорогого материала, хорошо сшитые светло-серые брюки и коричневые гетры. Однако все его поведение решительно не соответствовало его внешности и одежде. Он бежал, то и дело подсакивая, как человек, не привыкший к физическим упражнениям, размахивал руками, вертел головой, лицо его искажалось гримасами.

- Что с ним? - недоумевал я. - Он, кажется, ищет какой-то дом.

- Я думаю, что он спешит сюда, - сказал Холмс, потирая руки.

- Сюда?

- Да. Полагаю, ему нужно посоветоваться со мной. Все признаки налицо.

Ну, прав я был или нет?

В это время незнакомец, тяжело дыша, кинулся к нашей двери и принялся судорожно дергать колокольчик, огласив звоном весь дом.

Через минуту он вбежал в комнату, едва переводя дух и жестикулируя. В глазах у него затаилось такое горе и отчаяние, что наши улыбки погасли и насмешка уступила место глубокому сочувствию и жалости. Сначала он не мог вымолвить ни слова, только раскачивался взад и вперед и хватал себя за

голову, как человек, доведенный до грани сумасшествия. Вдруг он бросился к стене и ударился о нее головой. Мы кинулись к нашему посетителю и оттащили его на середину комнаты. Холмс усадил несчастного в кресло, сам сел напротив и, похлопав его по руке, заговорил так мягко и успокаивающе, как никто, кроме него, не умел.

- Вы пришли ко мне, чтобы рассказать, что с вами случилось? - сказал он. - Вы утомились от быстрой ходьбы. Успокойтесь, придите в себя, и я с радостью выслушаю вас, что вы имеете сказать.

Незнакомцу потребовалась минута или больше того, чтобы отдышаться и побороть волнение. Наконец он провел платком по лбу, решительно сжал губы и повернулся к нам.

- Вы, конечно, сочли меня за сумасшедшего? - спросил он.

- Нет, но я вижу, что с вами стряслась беда, - ответил Холмс.

- Да, видит Бог! Беда такая неожиданная и страшная, что можно сойти с ума. Я вынес бы бесчестье, хотя на моей совести нет ни единого пятнышка.

Личное несчастье - это случается с каждым. Но одновременно и то и другое, да еще в такой ужасной форме! Кроме того, это касается не только меня.

Если не будет немедленно найден выход из моего бедственного положения, может пострадать одна из знатнейших персон нашей страны.

- Успокойтесь, сэр, прошу вас, - сказал Холмс. - Расскажите, кто вы и что с вами случилось.

- Мое имя, возможно, известно вам, - проговорил посетитель. - Я Александр Холдер из банкирского дома "Холдер и Стивенсон" на Тренидл-стрит.

Действительно, имя было хорошо знакомо нам; оно принадлежало старшему компаньону второй по значению банкирской фирмы в Лондоне. Что же привело в такое жалкое состояние одного из виднейших граждан столицы? Мы с нетерпением ждали ответа на этот вопрос. Огромным усилием воли Холдер взял себя в руки и приступил к рассказу.

- Я понимаю, что нельзя терять ни минуты. Как только полицейский инспектор порекомендовал мне обратиться к вам, я немедленно поспешил сюда.

Я добрался до Бейкер-стрит подземкой и всю дорогу от станции бежал: по такому снегу кэбы движутся очень медленно. Я вообще мало двигаюсь и потому так запыхался. Но сейчас мне стало лучше, и я постараюсь изложить все факты как можно короче и яснее.

Вам, конечно, известно, что в банковском деле очень многое зависит от умения удачно вкладывать средства и в то же время расширять клиентуру.

Один из наиболее выгодных способов инвестирования средств - выдача ссуд под солидное обеспечение. За последние годы мы немало успели в этом отношении. Мы ссужаем крупными суммами знатные семейства под картины, фамильными библиотеками, сервизами.

Вчера утром я сидел в своем кабинете в банке, и кто-то из клерков принес мне визитную карточку. Я вздрогнул, прочитав имя, потому что это был не кто иной, как... Впрочем, пожалуй, даже вам я не решусь его назвать. Это имя известно всему миру; имя одной из самых высокопоставленных и знатных особ Англии. Я был ошеломлен оказанной мне честью, и когда он вошел, хотел было выразить свои чувства высокому посетителю. Но он прервал меня: ему, видно, хотелось как можно быстрее уладить неприятное для него дело.

- Мистер Холдер, я слышал, что вы предоставляете ссуды.

- Да. Фирма дает ссуды под надежные гарантии, - отвечал я.

- Мне совершенно необходимы пятьдесят тысяч фунтов стерлингов,

и притом немедленно, - заявил он. - Конечно, такую небольшую сумму я мог бы одолжить у своих друзей, но я предпочитаю сделать этот заем в деловом порядке. И я вынужден сам заниматься этим. Вы, конечно, понимаете, что человеку моего положения неудобно вмешивать в это дело посторонних.

- Позвольте узнать, на какой срок вам нужны деньги? - осведомился я.

- В будущий понедельник мне вернут крупную сумму денег, и я погашу вашу ссуду с уплатой любого процента. Но мне крайне важно получить деньги сразу.

- Я был бы счастлив безоговорочно дать вам деньги из своих личных средств, но это довольно крупная сумма, так что придется сделать это от

имени фирмы. Элементарная справедливость по отношению к моему компаньону

требует, чтобы я принял меры деловой предосторожности.

- Иначе и быть не может, - сказал он и взял в руки квадратный футляр черного сафьяна, который перед тем положил на стол возле себя. - Вы,

конечно, слышали о знаменитой берилловой диадеме?

- Разумеется. Это - национальное достояние.

- Совершенно верно. - Он открыл футляр - на мягком розовом бархате красовалось великолепнейшее произведение ювелирного искусства.

- В диадеме тридцать девять крупных бериллов, - сказал он. - Ценность золотой оправы не поддается исчислению. Самая минимальная ее стоимость

вдвое выше нужной мне суммы. Я готов оставить диадему у вас.

Я взял в руки футляр с драгоценной диадемой и с некоторым колебанием

поднял глаза на своего именитого посетителя.

- Вы сомневаетесь в ценности диадемы? - улыбнулся он.

- О, что вы, я сомневаюсь лишь...

- ...удобно ли мне оставить эту диадему вам? Можете не беспокоиться.

Мне эта мысль и в голову не пришла, не будь я абсолютно убежден, что через

четыре дня получу диадему обратно. Пустая формальность! Ну, а само

обеспечение вы считаете удовлетворительным?

- Вполне.

- Вы, разумеется, понимаете, мистер Холдер, что мой поступок -

свидетельство глубочайшего доверия, которое я питаю к вам. Это доверие

основано на том, что я знаю о вас. Я рассчитываю на вашу скромность, на

то, что вы воздержитесь от каких-либо разговоров о диадеме. Прошу вас

также беречь ее особенно тщательно, так как любое повреждение вызовет

скандал. Оно повлечет почти такие же катастрофические последствия, как и

пропажа диадемы. В мире больше нет таких бериллов, и, если потеряется хоть

один, возместить его будет нечем. Но я доверяю вам и со спокойной душой

оставляю у вас диадему. Я вернусь за нею лично в понедельник утром.

Видя, что мой клиент спешит, я без дальнейших разговоров вызвал

кассира и распорядился выдать пятьдесят банковских билетов по тысяче

фунтов стерлингов.

Оставшись один и разглядывая драгоценность, лежащую на моем

письменном столе, я подумал об огромной ответственности, которую принял на себя. В случае пропажи диадемы, несомненно, разразится невероятный скандал: ведь она достояние нации! Я даже начал сожалеть, что впутался в это дело. Но сейчас уже ничего нельзя было изменить. Я запер диадему в свой личный сейф и вернулся к работе.

Когда настал вечер, я подумал, что было бы опрометчиво оставлять в банке такую драгоценность. Кому не известны случаи взлома сейфов? А вдруг взломают и мой? В каком ужасном положении я окажусь, случись такая беда! И я решил держать диадему при себе. Затем я вызвал кэб и поехал домой в Стритем с футляром в кармане. Я не мог успокоиться, пока не поднялся к себе наверх и не запер диадему в бюро в комнате, смежной с моей спальней.

А теперь два слова о людях, живущих в моем доме. Я хочу, чтобы вы, мистер Холмс, полностью ознакомились с положением дел. Мой конюх и мальчик-слуга – проходящие работники, поэтому о них можно не говорить. У меня три горничные, работающие уже много лет, и их абсолютная честность не вызывает ни малейшего сомнения. Четвертая – Люси Парр, официантка, живет у нас только несколько месяцев. Она поступила с прекрасной рекомендацией и вполне справляется со своей работой. Люси – хорошенькая девушка, у нее есть поклонники, которые слоняются возле дома. Это – единственное, что мне не нравится. Впрочем, я считаю ее вполне порядочной девушкой во всех отношениях.

Вот и все, что касается слуг. Моя собственная семья так немногочисленна, что мне не придется много о ней говорить. Я вдовец и имею единственного сына Артура. К великому моему огорчению, он обманул мои надежды. Нет ни малейшего сомнения, что виноват я сам. Говорят, я избаловал его. Очень может быть. Когда скончалась жена, я понял, что теперь сын – моя единственная привязанность. Я не мог ему отказать ни в чем, я совершенно не мог выносить даже малейшего его неудовольствия. Может

быть, для нас обоих было бы лучше, будь я с ним хоть чуточку поосторожнее. Но в то время я думал иначе.

Естественно, я мечтал, что Артур когда-нибудь сменит меня в моем деле. Однако у него не оказалось никакой склонности к этому. Он стал необузданным, своевольным, и, говоря по совести, я не мог доверить ему большие деньги. Юношей он вступил в аристократический клуб, а позже благодаря обаятельным манерам стал своим человеком в кругу самых богатых и расточительных людей. Он пристрастился к крупной игре в карты, проматывал деньги на скачках и поэтому все чаще и чаще обращался ко мне с просьбой дать ему денег - в счет будущих карманных расходов. Деньги нужны были для того, чтобы расплатиться с карточными долгами. Правда, Артур неоднократно пытался отойти от этой компании, но каждый раз влияние его друга сэра Джорджа Бэрнвелла возвращало его на прежний путь.

Собственно говоря, меня не очень удивляет, что сэр Джордж Бэрнвелл оказывал такое влияние на моего сына. Артур нередко приглашал его к нам, и должен сказать, что даже я поддавался под обаяние сэра Джорджа. Он старше Артура, светский человек до мозга костей, интереснейший собеседник, много поездивший и повидавший на своем веку, к тому же человек исключительно привлекательной внешности. Но все же, думая о нем спокойно, отвлекаясь от его личного обаяния и вспоминая его циничные высказывания и взгляды, я сознавал, что сэру Джорджу нельзя доверять.

Так думал не только я - того же взгляда придерживалась и Мэри, обладающая тонкой женской интуицией.

Теперь остается рассказать лишь о Мэри, моей племяннице. Когда лет пять тому назад умер брат и она осталась одна на всем свете, я взял ее к себе. С тех пор она для меня словно родная дочь. Мэри - солнечный луч в моем доме - такая ласковая, чуткая, милая, какой только может быть женщина, и к тому же превосходная хозяйка. Мэри - моя правая рука, я не могу себе представить, что я делал бы без нее. И только в одном она шла

против моей воли. Мой сын Артур любит ее и дважды просил ее руки, но она каждый раз отказывала ему. Я глубоко убежден, что если хоть кто-нибудь способен направить моего сына на путь истинный, так это только она. Брак с ней мог бы изменить всю его жизнь... но сейчас, увы, слишком поздно. Все погребло!

Ну вот, мистер Холмс, теперь вы знаете людей, которые живут под моей крышей, и я продолжу свою печальную повесть.

Когда в тот вечер после обеда мы пили кофе в гостиной, я рассказал Артуру и Мэри, какое сокровище находится у нас в доме. Я, конечно, не назвал имени клиента. Люси Парр, подававшая нам кофе, к тому времени уже вышла из комнаты. Я твердо уверен в этом, хотя не берусь утверждать, что дверь за ней была плотно закрыта. Мэри и Артур, заинтригованные моим рассказом, хотели посмотреть знаменитую диадему, но я почел за благо не прикасаться к ней.

- Куда же ты ее положил? - спросил Артур.

- В бюро.

- Будем надеяться, что сегодня ночью к нам не вломятся грабители,

-
сказал он.

- Бюро заперто на ключ, - возразил я.

- Пустяки! К нему подойдет любой ключ. В детстве я сам открывал его ключом от буфета.

Он часто нес всякий вздор, и я не придал значения его словам. После кофе Артур с мрачным видом последовал в мою комнату.

- Послушай, папа, - сказал он, опустив глаза. - Не мог бы ты одолжить мне двести фунтов?

- Ни в коем случае, - ответил я резко. - Я и так слишком распустил тебя в денежных делах.

- Да, ты всегда щедр, - сказал он. - Но сейчас мне крайне нужна эта сумма, иначе я не смогу показаться в клубе.

- Тем лучше! - воскликнул я.

- Но меня же могут посчитать за нечестного человека! Я не вынесу такого позора. Так или иначе я должен достать деньги. Если ты не дашь мне двести фунтов, я буду вынужден раздобыть их иным способом.

Я возмутился: за последний месяц он третий раз обращался ко мне

с

подобной просьбой.

- Ты не получишь ни фартинга! - закричал я.

Он поклонился и вышел из комнаты, не сказав ни слова. После ухода Артура я заглянул в бюро, убедился, что драгоценность на месте, и снова запер его на ключ.

Затем я решил обойти комнаты и посмотреть, все ли в порядке. Обычно

эту обязанность берет на себя Мэри, но сегодня я решил, что лучше сделать

это самому. Спускаясь с лестницы, я увидел свою племянницу - она закрывала

окно в гостиной.

- Скажите, папа, вы разрешили Люси отлучиться? - Мне показалось, что

Мэри немножко встревожена. - Об этом и речи не было.

- Она только что вошла через черный ход. Думаю, что она выходила к калитке повидаться с кем-нибудь. Мне кажется, это ни к чему, и пора это прекратить.

- Непременно поговори с ней завтра, или, если хочешь, я сам это сделаю. Ты проверила, все хорошо заперто?

- Да, папа.

- Тогда спокойной ночи, дитя мое. - Я поцеловал ее и отправился к себе в спальню и вскоре уснул.

- Я подробно говорю обо всем, что может иметь хоть какое-нибудь отношение к делу, мистер Холмс. Но, если что-либо покажется вам неясным, спрашивайте, не стесняйтесь.

- Нет, нет, вы рассказываете вполне ясно, - ответил Холмс.

- Сейчас я перехожу к той части рассказа, которую хотел бы изложить особенно детально. Обычно я сплю не очень крепко, а беспокойство в тот раз отнюдь не способствовало крепкому сну. Около двух часов ночи я проснулся от какого-то слабого шума. Шум прекратился прежде, чем я сообразил, в чем дело, но у меня создалось впечатление, что где-то осторожно закрыли окно. Я весь обратился в слух. Вдруг до меня донеслись легкие шаги в комнате рядом с моей спальней. Я выскользнул из постели и, дрожа от страха, выглянул за дверь.

- Артур! - закричал я. - Негодяй! Вор! Как ты посмел притронуться к диадеме!

Газ был притушен, и при его свете я увидел своего несчастного сына
-
на нем была только рубашка и брюки. Он стоял около газовой горелки
и
держал в руках диадему. Мне показалось, что он старался согнуть ее
или
сломать. Услышав меня, Артур выронил диадему и повернулся ко мне,
бледный
как смерть. Я схватил сокровище: не хватало золотого зубца с
тремя
бериллами.

- Подлец! - закричал я вне себя от ярости. - Сломать такую вещь!
Ты
обесчестил меня, понимаешь? Куда ты дел камни, которые украл?

- Украл? - попятился он.
- Да, украл! Ты вор! - кричал я, тряся его за плечи.
- Нет, не может быть, ничего не могло пропасть! - бормотал он.
- Тут недостает трех камней. Где они? Ты, оказывается, не только
вор,

но и лжец! Я же видел, как ты пытался отломить еще кусок.

- Хватит! Я больше не намерен терпеть оскорбления, - холодно
сказал
Артур. - Ты не услышишь от меня ни слова. Утром я уйду из дому и буду
сам
устраиваться в жизни.

- Ты уйдешь из моего дома только в сопровождении полиции! - кричал
я,
обезумев от горя и гнева. - Я хочу знать все, абсолютно все!

- Я не скажу ни слова! - неожиданно взорвался он. - Если ты
считаешь
нужным вызвать полицию - пожалуйста, пусть ищут!

Я кричал так, что поднял на ноги весь дом. Мэри первой вбежала
в
комнату. Увидев диадему и растерянного Артура, она все поняла
и,
вскрикнув, упала без чувств. Я послал горничную за полицией. Когда
прибыли
полицейский инспектор и констебль, Артур, мрачно стоявший со
скрещенными
руками, спросил меня, неужели я действительно собираюсь предъявить
ему
обвинение в воровстве. Я ответил, что это дело отнюдь не частное,
что
диадема - собственность нации и что я твердо решил дать делу законный
ход.

- Но ты по крайней мере не дашь им арестовать меня сейчас же,
-
сказал он. - Во имя наших общих интересов разреши мне отлучиться из
дому
хотя бы на пять минут.

- Для того, чтобы ты скрылся или получше припрятал краденое?
-
воскликнул я.

Я понимал весь ужас своего положения и заклинал его подумать о том, что на карту поставлено не только мое имя, но и честь гораздо более высокого лица, что исчезновение бериллов вызовет огромный скандал, который потрясет всю нацию. Всего можно избежать, если только он скажет, что он сделал с тремя камнями.

- Пойми, - говорил я. - Ты задержан на месте преступления.

Признание не усугубит твою вину. Напротив, если ты вернешь бериллы, то сможешь исправить создавшееся положение и тебя простят.

- Приберегите свое прощение для тех, кто в нем нуждается, - сказал он высокомерно и отвернулся.

Я видел, что он крайне ожесточен, и понял, что дальнейшие разговоры бесполезны. Оставался один выход. Я пригласил инспектора, и тот взял Артура под стражу.

Полицейские немедленно обыскали Артура и его комнату, обыскали каждый закоулок в доме, но обнаружить драгоценные камни не удалось, а негодный мальчишка не раскрывал рта, несмотря на наши увещевания и угрозы. Сегодня утром его отправили в тюрьму. А я, закончив формальности, поспешил к вам. Умоляю вас применить все свое искусство, чтобы раскрыть это дело. В полиции мне откровенно сказали, что в настоящее время вряд ли смогут чем-нибудь помочь мне. Я не остановлюсь ни перед какими расходами. Я уже предложил вознаграждение в тысячу фунтов... Боже! Что же мне делать? Я потерял честь, состояние и сына в одну ночь... О, что мне делать?!

Он схватился за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, бормотал, как ребенок, который не в состоянии выразить свое горе.

Несколько минут Холмс сидел молча, нахмутив брови и устремив взгляд на огонь в камине.

- У вас часто бывают гости? - спросил он.

- Нет, у нас никого не бывает, иногда разве придет компаньон с женой

да изредка кто-либо из друзей Артура. Недавно к нам несколько раз заглядывал сэр Джордж Бэрнвелл. Больше никого.

- А вы сами часто бываете в обществе?

- Артур - часто. А мы с Мэри всегда дома. Мы оба домоседы.

- Это необычно для молодой девушки.

- Она не очень общительная и к тому же не такая уж юная. Ей двадцать четыре года.

- Вы говорите, что случившееся явилось для нее ударом?

- О да! Она потрясена больше меня.

- А у вас не появлялось сомнения в виновности Артура?

- Какие же могут быть сомнения, когда я собственными глазами видел диадему в руках у Артура?

- Я не считаю это решающим доказательством вины. Скажите, кроме отломанного зубца, были какие-нибудь еще повреждения на диадеме?

- Она была погнута.

- А вам не приходила мысль, что ваш сын просто пытался распрямить ее?

- Что вы! Я понимаю, вы хотите оправдать его в моих глазах. Но это невозможно. Что он делал в моей комнате? Если он не имел преступных намерений, отчего он молчит?

- Все это верно. Но, с другой стороны, если он виновен, то почему бы ему не попытаться придумать какую-нибудь версию в свое оправдание? То обстоятельство, что он не хочет говорить, по-моему, исключает оба предположения. И вообще тут есть несколько неясных деталей. Что думает полиция о шуме, который вас разбудил?

- Они считают, что Артур, выходя из спальни, неосторожно стукнул дверью.

- Очень похоже! Человек, идущий на преступление, хлопает дверью, чтобы разбудить весь дом! А что они думают по поводу исчезнувших камней?

- Они и сейчас еще простукивают стены и обследуют мебель.

- А они не пытались искать вне дома?

- Они проявили исключительную энергию. Они прочесали весь сад.

- Ну, дорогой мистер Холдер, - сказал Холмс, - разве не очевидно, что

все гораздо сложнее, чем предполагаете вы и полиция? Вы считаете дело

ясным, а с моей точки зрения это очень запутанная история. Судите сами,

по-вашему, ход событий таков: Артур поднимается с постели, пробирается с

большим риском в ту комнату, открывает бюро и достает диадему, отламывает

с большим трудом зубец, выходит и где-то прячет три берилла из тридцати

девяти, причем с такой ловкостью, что никто не может их разыскать, затем

вновь возвращается в вашу комнату, подвергая себя огромному риску: ведь

его могут застать там. Неужели такая версия в самом деле кажется вам правдоподобной?

- Но тогда я ума не приложу, что могло случиться! - воскликнул банкир

в отчаянии. - Если он не имел дурных намерений, почему он молчит?

- А вот это уже наше дело - разгадать загадку, - ответил Холмс.

-

Теперь, мистер Холдер, мы отправимся вместе с вами в Стритем и потратим часок-другой, чтобы на месте познакомиться с кое-какими обстоятельствами.

Мой друг настоял, чтобы я сопровождал его. И я охотно согласился:

эта

странная история вызвала у меня предельное любопытство и глубокую симпатию

к несчастному мистеру Холдеру. Говоря откровенно, виновность Артура

казалась мне, как и нашему клиенту, совершенно бесспорной, и все же я

верил в чутье Холмса: если мой друг не удовлетворился объяснениями

Холдера, значит, есть какая-то надежда.

Пока мы ехали к южной окраине Лондона, Холмс не проронил ни слова.

Погруженный в глубокое раздумье, он сидел, опустив голову на грудь и

надвинув шляпу на самые глаза. Наш клиент, напротив, казалось, воспрянул

духом от слабого проблеска надежды и даже пытался завести со мной разговор

о своих банковских делах. В пути мы были недолго:

непродолжительная

поездка по железной дороге, краткая прогулка пешком - и вот мы уже в

Фэрбенке, скромной резиденции богатого финансиста.

Фэрбенк - большой квадратный дом из белого камня, расположенный

недалеко от шоссе, с которым его соединяет только дорога для экипажей.

Сейчас эта дорога, упирающаяся в массивные железные ворота, была занесена

снегом. Направо от нее - густые заросли кустарника, за ними - узкая

тропинка, по обе стороны которой живая изгородь; тропинка ведет к кухне, и

ее пользуются главным образом поставщики продуктов. Налево - дорожка к

конюшне. Она, собственно говоря, не входит во владения Фэрбенка и является

общественной собственностью. Впрочем, там очень редко можно встретить

посторонних.

Холмс не вошел в дом вместе с нами; он медленно двинулся вдоль

фасада, по дорожке, ведущей на кухню и дальше через сад, в сторону конюшни. Мистер Холдер и я так и не дождались Холмса; войдя в дом, мы молча расположились в столовой около камина. Внезапно дверь отворилась, и в комнату тихо вошла молодая девушка. Она была немного выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами. Эти глаза казались еще темнее оттого, что в лице ее не было ни кровинки. Мне никогда еще не приходилось видеть такой мертвенной бледности. Губы тоже были совсем белые, глаза заплаканы. Казалось, что она сильнее потрясена горем, чем даже мистер Холдер. В то же время черты ее лица говорили о сильной воле и огромном самообладании.

Не обращая на меня внимания, она подошла к дяде и нежно провела рукой по его волосам.

- Вы распорядились, чтобы Артура освободили, папа? - спросила она.

- Нет, моя девочка, дело надо расследовать до конца.

- Я глубоко убеждена, что он не виновен. Мне сердце подсказывает это.

Он не мог сделать ничего дурного. Вы потом сами пожалеете, что обошлись с ним так сурово.

- Но почему же он молчит, если не виновен?

- Возможно, он обиделся, что вы подозреваете его в краже.

- Как же не подозревать, если я застал его с диадемой в руках?

- Он взял диадему в руки, чтобы посмотреть. Поверьте, папа, он не виновен. Пожалуйста, прекратите это дело. Как ужасно, что наш дорогой Артур в тюрьме!

- Я не прекращу дела, пока не будут найдены бериллы. Ты настолько привязана к Артуру, что забываешь об ужасных последствиях. Нет, Мэри, я не отступлюсь, напротив, я пригласил джентльмена из Лондона для самого тщательного расследования.

- Это вы? - Мэри повернулась ко мне.

- Нет, это его друг. Тот джентльмен попросил, чтобы мы оставили его одного. Он хотел пройти по дорожке, которая ведет к конюшне.

- К конюшне? - Ее темные брови удивленно поднялись. - Что он думает там найти? А вот, очевидно, и он сам. Я надеюсь, сэр, что вам удастся доказать непричастность моего кузена к этому преступлению. Я убеждена в

этом.

- Я полностью разделяю ваше мнение, - сказал Холмс, стряхивая у половика снег с ботинок. - Полагаю, я имею честь говорить с мисс Холдер?

Вы позволите задать вам несколько вопросов?

- Ради Бога, сэр! Если б только мои ответы помогли распутать это ужасное дело!

- Вы ничего не слышали сегодня ночью?

- Ничего, пока до меня не донесся громкий голос дяди, и тогда я спустилась вниз.

- Накануне вечером вы закрывали окна и двери. Хорошо ли вы их заперли?

- Да.

- И они были заперты сегодня утром?

- Да.

- У вашей горничной есть поклонник. Вчера вечером вы говорили дяде, что она выходила к нему?

- Да, она подавала нам вчера кофе. Она могла слышать, как дядя рассказывал о диадеме.

- Понимаю. Отсюда вы делаете вывод, что она могла что-то сообщить своему поклоннику и они вместе замыслили кражу.

- Ну какой прок от всех этих туманных предположений? - нетерпеливо

воскликнул мистер Холдер. - Ведь я же сказал, что застал Артура с диадемой в руках.

- Не надо спешить, мистер Холдер. К этому мы еще вернемся. Теперь

относительно вашей прислуги. Мисс Холдер, она вошла в дом через кухню?

- Да. Я спустилась посмотреть, заперта ли дверь, и увидела Люси у порога. Заметила в темноте и ее поклонника.

- Вы знаете его?

- Да, он зеленщик, приносит нам овощи. Его зовут Фрэнсис Проспер.

- И он стоял немного в стороне, не у самой двери?

- Да.

- И у него деревянная нога?

Что-то вроде испуга промелькнуло в выразительных черных глазах девушки.

- Вы волшебник, - сказала она. - Как вы это узнали? - Она улыбнулась,

но на худощавом энергичном лице Холмса не появилось ответной улыбки.

- Я хотел бы подняться наверх, - сказал он. - Впрочем, сначала я посмотрю окна.

Он быстро обошел первый этаж, переходя от одного окна к другому, затем остановился у большого окна, которое выходило на дорожку, ведущую к конюшне. Он открыл окно и тщательно, с помощью сильной лупы осмотрел подоконник. - Что ж, теперь пойдете вверх, - сказал он наконец.

Комната, расположенная рядом со спальней банкира, выглядела очень скромно: серый ковер, большое бюро и высокое зеркало. Холмс первым делом подошел к бюро и тщательно осмотрел замочную скважину.

- Каким ключом отперли его? - спросил он.

- Тем самым, о котором говорил мой сын, - от буфета в чулане.

- Где ключ?

- Вон он, на туалетном столике.

Холмс взял ключ и открыл бюро.

- Замок бесшумный, - сказал он. - Не удивительно, что вы не проснулись. В этом футляре, я полагаю, и находится диадема? Посмотрим...

Он открыл футляр, извлек диадему и положил на стол. Это было чудесное произведение ювелирного искусства. Таких изумительных камней мне никогда не приходилось видеть. Один зубец диадемы был отломан.

- Вот этот зубец соответствует отломанному, - сказал Холмс. - Будьте любезны, мистер Холдер, попробуйте отломить его.

- Боже меня сохрани! - воскликнул банкир, в ужасе отшатнувшись от Холмса.

- Ну, так попробую я. - Холмс напряг все силы, но попытка оказалась безуспешной. - Немного поддается, но мне, пожалуй, пришлось бы долго повозиться, чтоб отломить зубец, хотя руки у меня очень сильные. Человеку с обычным физическим развитием это вообще не под силу. Но допустим, что я все же сломал диадему. Раздался бы треск, как выстрел из пистолета.

Неужели вы полагаете, мистер Холдер, что это произошло чуть ли не над вашим ухом и вы ничего не услышали?

- Уж не знаю, что и думать. Мне все это совершенно непонятно.

- Как знать, может быть все разъяснится. А что вы думаете, мисс Холдер?

- Признаюсь, я разделяю недоумение моего дяди.

- Скажите, мистер Холдер, были ли в тот момент на ногах вашего сына ботинки или туфли?

- Нет, он был босой, на нем были только брюки и рубашка.

- Благодарю вас. Ну что ж, нам просто везет, и если мы не раскроем тайну, то только по нашей собственной вине. С вашего разрешения, мистер Холдер, я еще раз обойду вокруг дома.

Холмс вышел один: лишние следы, по его словам, только затрудняют работу.

Он пропадал около часу, а когда вернулся, ноги у него были все в снегу, а лицо непроницаемо, как обычно.

- Мне кажется, я осмотрел все, что нужно, - сказал он, - и могу отправиться домой.

- Ну, а как же камни, мистер Холмс, где они? - воскликнул банкир.

- Этого я сказать не могу.

Банкир в отчаянии заломил руки.

- Неужели они безвозвратно пропали? - простонал он. - А как же Артур?

Дайте хоть самую маленькую надежду!

- Мое мнение о вашем сыне не изменилось.

- Ради всего святого, что же произошло в моем доме?

- Если вы посетите меня на Бейкер-стрит завтра утром между девятью и десятью, я думаю, что смогу дать более подробные объяснения. Надеюсь, вы предоставите мне свободу действий при условии, разумеется, что камни будут возвращены, и не постоите за расходами?

- Я отдал бы все свое состояние!

- Прекрасно. Я подумаю над этой историей. До свидания. Возможно, я еще загляну сегодня сюда.

Было совершенно ясно, что Холмс уже что-то надумал, но я даже приблизительно не мог представить себе, к каким выводам он пришел. По дороге в Лондон я несколько раз пытался навести беседу на эту тему, но Холмс всякий раз уходил от ответа. Наконец, отчаявшись, я прекратил свои попытки. Не было еще и трех часов, когда мы возвратились домой. Холмс

поспешно ушел в свою комнату и через несколько минут снова появился. Он успел переодеться. Потрепанное пальто с поднятым воротником, небрежно повязанный красный шарф и стоптанные башмаки придавали ему вид типичного бродяги.

- Ну, так, я думаю, сойдет, - сказал он, взглянув в зеркало над камином. - Хотелось бы взять с собой и вас, Уотсон, но это невозможно. На

верном пути я или нет, скоро узнаем. Думаю, что вернусь через несколько часов. – Он открыл буфет, отрезал кусок говядины, положил его между двумя кусками хлеба и, засунув сверток в карман, ушел.

Я только что закончил пить чай, когда Холмс возвратился в прекрасном настроении, размахивая каким-то старым ботинком. Он швырнул его в угол и налил себе чашку.

– Я заглянул на минутку, сейчас отправлюсь дальше.

– Куда же?

– На другой конец Вест-Энда. Вернусь, возможно, не скоро. Не ждите меня, если я запоздаю.

– Как успехи?

– Ничего, пожаловаться не могу. Я был в Стритеме, но в дом не заходил. Интересное дельце, не хотелось бы упустить его. Хватит, однако, болтать, надо сбросить это тряпье и снова стать приличным человеком.

По поведению моего друга я видел, что он доволен результатами. Глаза

у него блестели, на бледных щеках, даже появился слабый румянец. Он

поднялся к себе в комнату, и через несколько минут я услышал, как стукнула

входная дверь. Холмс снова отправился на "охоту".

Я ждал до полуночи, но, видя, что его все нет и нет, отправился

спать. Холмс имел обыкновение исчезать на долгое время, когда нападал на

след, так что меня ничуть не удивило его опоздание. Не знаю, в котором

часу он вернулся, но, когда на следующее утро я вышел к завтраку, Холмс

сидел за столом с чашкой кофе в одной руке и газетой в другой. Как всегда,

он был бодр и подтянут.

– Простите, Уотсон, что я начал завтрак без вас, – сказал он. – Но

вот-вот явится наш клиент.

– Да, уже десятый час, – ответил я. – Кажется, звонят? Наверное, это он.

И в самом деле это был мистер Холдер. Меня поразила перемена, происшедшая в нем. Обычно массивное и энергичное лицо его осунулось и как-то сморщилось, волосы, казалось, побелели еще больше. Он вошел усталой походкой, вялый, измученный, что представляло еще более тягостное зрелище,

чем его бурное отчаяние вчерашним утром. Тяжело опустившись в придвинутое мною кресло, он проговорил:

- Не знаю, за что такая кара! Два дня назад я был счастливым, процветающим человеком, а сейчас опозорен и обречен на одинокую старость.

Беда не приходит одна. Исчезла Мэри.

- Исчезла?

- Да. Постель ее не тронута, комната пуста, а на столе вот эта записка. Вчера я сказал ей, что, выйди она замуж за Артура, с ним ничего не случилось бы. Я говорил без тени гнева, просто был убит горем. Вероятно, так не нужно было говорить. В записке она намекает на эти слова.

"Дорогой дядя!

Я знаю, что причинила вам много горя и что поступи я иначе, не произошло бы это ужасное несчастье. С этой мыслью я не смогу быть счастливой под вашей крышей и покидаю вас навсегда. Не беспокойтесь о моем будущем и, самое главное, не ищите меня, потому что это бесцельно и может только повредить мне. Всю жизнь до самой смерти любящая вас Мэри".

- Что означает эта записка, мистер Холмс? Уж не хочет ли она покончить самоубийством?

- О нет, ничего подобного. Может быть, это наилучшим образом решает все проблемы. Я уверен, мистер Холдер, что ваши испытания близятся к концу.

- Да, вы так думаете? Вы узнали что-нибудь новое, мистер Холмс? Узнали, где бериллы?

- Тысячу фунтов за каждый камень вы не сочтете чересчур высокой платой?

- Я заплатил бы все десять!

- В этом нет необходимости. Трех тысяч вполне достаточно, если не считать некоторого вознаграждения мне. Чековая книжка при вас? Вот перо. Выпишите чек на четыре тысячи фунтов.

Банкир в изумлении подписал чек. Холмс подошел к письменному столу, достал маленький треугольный кусок золота с тремя бериллами и положил на

стол. Мистер Холдер с радостным криком схватил свое сокровище.

- Я спасен, спасен! - повторял он, задыхаясь. - Вы нашли их!

Радость его была столь же бурной, как и вчерашнее отчаяние. Он крепко прижимал к груди найденное сокровище.

- За вами еще один долг, мистер Холдер, - сказал Холмс сурово.

- Долг? - Банкир схватил перо. - Назовите сумму, и я выплачу вам ее немедленно.

- Нет, не мне. Вы должны попросить прощения у вашего сына. Он держал

себя мужественно и благородно. Имей я такого сына, я гордился бы им.

- Значит, не Артур взял камни?

- Да, не он. Я говорил это вчера и повторяю сегодня.

- В таком случае поспешим к нему и сообщим, что правда восторжествовала.

- Он все знает. Я беседовал с ним, когда распутал дело. Поняв, что он не хочет говорить, я сам изложил ему всю историю, и он признал, что я

прав, и, в свою очередь, рассказал о некоторых подробностях, которые были

неясны мне. Новость, которую вы нам только что сообщили, возможно,

заставит его быть вполне откровенным.

- Так раскройте же, ради Бога, эту невероятную тайну!

- Сейчас я расскажу, каким путем мне удалось добраться до истины.

Но

сначала разрешите сообщить вам тяжелую вест: ваша племянница Мэри была в

сговоре с сэром Джорджем Бэрнвеллом. Сейчас они оба скрылись.

- Мэри? Это невозможно!

- К сожалению, это факт! Принимая в своем доме сэра Джорджа

Бэрнвелла, ни вы, ни ваш сын не знали его как следует. А между тем он один

из опаснейших субъектов, игрок, отъявленный негодяй, человек без сердца и

совести. Ваша племянница и понятия не имела, что бывают такие люди.

Слушая

его признания и клятвы, она думала, что завоевала его любовь. А он говорил

то же самое многим до нее. Одному дьяволу известно, как он сумел

поработить волю Мэри, но так или иначе она сделалась послушным орудием в

его руках. Они виделись почти каждый вечер.

- Я не верю, не могу этому верить! - вскричал банкир. Его лицо стало

пепельно-серым.

- А теперь я расскажу, что произошло в вашем доме вчера ночью. Когда

ваша племянница убедилась, что вы ушли к себе, она спустилась вниз и, приоткрыв окно над дорожкой, которая ведет в конюшню, сообщила своему возлюбленному о диадеме. Следы сэра Джорджа ясно отпечатались на снегу под окном. Жажда наживы охватила сэра Джорджа, он буквально подчинил Мэри своей воле. Я не сомневаюсь, что Мэри любит вас, но есть категория женщин, у которых любовь к мужчине преодолевает все другие чувства. Мэри из их числа. Едва она успела договориться с ним о похищении драгоценности, как услышала, что вы спускаетесь по лестнице. Тогда, быстро закрыв окно, она сказала вам, что к горничной приходил ее зеленщик. И он в самом деле приходил...

В ту ночь Артуру не спалось: его тревожили клубные долги. Вдруг он услышал, как мимо его комнаты прошуршали осторожные шаги. Он встал, выглянул за дверь и с изумлением увидел двоюродную сестру - та крадучись пробиралась по коридору и исчезла в вашей комнате. Ошеломленный Артур наскоро оделся и стал ждать, что произойдет дальше. Скоро Мэри вышла; при свете лампы в коридоре ваш сын заметил у нее в руках драгоценную диадему. Мэри спустилась вниз по лестнице. Трепеща от ужаса, Артур проскользнул за портьеру около вашей двери: оттуда видно все, что происходит в гостиной. Мэри потихоньку открыла окно, передала кому-то в темноте диадему, а затем, закрыв окно, поспешила в свою комнату, пройдя совсем близко от Артура, застывшего за портьерой.

Боясь разоблачить любимую девушку, Артур ничего не мог предпринять, хотя понимал, каким ударом будет для вас пропажа диадемы и как важно вернуть драгоценность. Но едва Мэри скрылась за дверью своей комнаты, он бросился вниз полуодетый и босой, распахнул окно, выскочил в сад и помчался по дорожке; там, вдали, виднелся при свете луны чей-то темный силуэт.

Сэр Джордж Бэрнвелл попытался бежать, но Артур догнал его. Между ними

завязалась борьба. Ваш сын тянул диадему за один конец, его противник – за другой. Ваш сын ударил сэра Джорджа и повредил ему бровь. Затем что-то неожиданно хрустнуло, и Артур почувствовал, что диадема у него в руках; он кинулся назад, закрыл окно и поднялся в вашу комнату. Только тут он заметил, что диадема погнута, и попытался распрямить ее. В это время вошли вы.

– Боже мой! Боже мой! – задыхаясь, повторял банкир.

– Артур был потрясен вашим несправедливым обвинением. Ведь, напротив, вы должны были бы благодарить его. Он не мог рассказать вам правду, не предав Мэри, хотя она и не заслуживала снисхождения. Он вел себя как рыцарь и сохранил тайну.

– Так вот почему она упала в обморок, когда увидела диадему!

– воскликнул мистер Холдер. – Бог мой, какой же я безумец! Ведь Артур просил отпустить его хотя бы на пять минут! Бедный мальчик думал отыскать отломанный кусок диадемы на месте схватки. Как я ошибался!

– Приехав к вам, – продолжал Холмс, – я в первую очередь внимательно осмотрел участок возле дома, надеясь что-нибудь обнаружить. Снега со вчерашнего вечера не выпадало, а сильный мороз должен был хорошо сохранить следы на снегу. Я прошел по дорожке, которой подвозят продукты, но она была утоптана. Но неподалеку от двери в кухню я заметил следы женских ботинок; рядом с женщиной стоял мужчина. Круглые отпечатки показывали, что одна нога у него деревянная. По-видимому, кто-то помешал их разговору, так как женщина побежала к двери: носки женских ботинок отпечатались глубже, чем каблуки. Человек с деревянной ногой подождал немного, а затем ушел. Я тут же подумал, что это должно быть, горничная и ее поклонник, о которых вы говорили. Так оно, и оказалось. Я обошел сад, но больше ничего не заметил, кроме беспорядочных следов, разбегавшихся во всех направлениях. Это ходили полицейские. Но когда я дошел до дорожки, которая вела к конюшне, вся сложная история этой ночи открылась мне, будто написанная на

снегу.

Я увидел две линии следов: одна из них принадлежала человеку в ботинках, другая, как я с удовлетворением заметил, - человеку, бежавшему босиком. Я был уверен, что эта вторая линия - следы вашего сына.

Впоследствии ваши слова подтвердили правильность моего предположения.

Первый человек спокойно шагал туда и обратно, второй бежал.

Следы

бежавшего отпечатались там же, где шел человек в ботинках. Из этого можно

было сделать вывод, что второй человек преследовал первого. Я пошел по

следам человека в ботинках. Они привели меня к окну вашей гостиной;

здесь

снег был весь истоптан, очевидно, этот человек кого-то долго поджидал.

Тогда я направился по его следам в противоположную сторону. Они

тянулись

по дорожке примерно на сотню ярдов. Потом человек в ботинках обернулся - в

этом месте снег был сильно истоптан, словно шла борьба. Капли крови на

снегу свидетельствовали о том, что это так и было. Затем человек в

ботинках бросился бежать. На некотором расстоянии я снова заметил кровь;

значит, ранен был именно он. Я пошел по тропинке до самой дороги; там снег

был счищен и следы обрывались.

Вы помните, что, войдя в дом, я осмотрел через лупу подоконник и раму

окна гостиной и обнаружил, что кто-то вылезал из окна. Я заметил также

очертание следа мокрой ноги, то есть человек залезал и обратно.

После

этого я уже был в состоянии представить себе все, что произошло. Кто-то

стоял под окном, и кто-то подал ему диадему. Ваш сын видел это, бросился

преследовать неизвестного, вступил с ним в борьбу. Каждый из них тянул

сокровище к себе. Тогда-то и был отломан кусок диадемы. Артур поспешил с

диадемой домой, не заметив, что у противника остался обломок. Пока все

понятно. Но возникал вопрос: кто этот человек, боровшийся с вашим сыном, и

кто подал ему диадему?

Мой старый принцип расследования состоит в том, чтобы исключить все

явно невозможные предположения. Тогда то, что остается, является истиной,

какой бы неправдоподобной она ни казалась.

Рассуждал я примерно так: естественно, не вы отдали диадему. Значит, оставались только ваша племянница или горничные. Но если в похищении замешаны горничные, то ради чего ваш сын согласился принять вину на себя? Для такого предположения нет оснований. Вы говорили, что Артур любит свою двоюродную сестру. И мне стала понятна причина его молчания: он не хотел выдавать Мэри. Тогда я вспомнил, что вы застали ее у окна и что она упала в обморок, увидав диадему в руках Артура. Мои предположения превратились в уверенность.

Но кто ее сообщник? Разумеется, это мог быть только ее возлюбленный. Лишь под его влиянием она могла так легко забыть, чем обязана вам. Я знал, что вы редко бываете в обществе и круг ваших знакомых ограничен. Но в их числе сэр Джордж Бэрнвелл. Я и прежде слышал о нем как о человеке крайне легкомысленном по отношению к женщинам. Очевидно, это он стоял под окном и только у него должны находиться пропавшие бериллы. Артур узнал его, и все же сэр Джордж считал себя в безопасности, ибо был уверен, что ваш сын не скажет ни слова, чтобы не скомпрометировать свою собственную семью.

Ну, а теперь элементарная логика подскажет вам, что я предпринял. Переодевшись бродягой, я отправился к сэру Джорджу. Мне удалось познакомиться с его лакеем, который сообщил, что его хозяин накануне где-то расшиб до крови голову. Мне удалось раздобыть у него за шесть шиллингов старые ботинки сэра Джорджа, с которыми я отправился в Стритем и убедился, что ботинки точно соответствуют следам на снегу.

- Вчера вечером я видел какого-то бродягу на тропинке, - сказал мистер Холдер.

- Совершенно верно, это был я. Я понял, что сэр Джордж в моих руках. Нужен был большой такт, чтобы успешно завершить дело и избежать огласки.

Этот хитрый негодяй понимал, как связаны у нас руки.

Вернувшись домой, я переоделся и отправился к сэру Джорджу. Вначале он, разумеется, все отрицал, но когда я рассказал в подробностях, что

произошло той ночью, он стал угрожать мне и даже схватил висевшую на стене трость. Я знал, с кем имею дело, и мигом приставил револьвер к его виску. Тогда он образумился. Я объявил ему, что мы согласны выкупить камни по тысяче фунтов за каждый. Тогда-то он впервые обнаружил признаки огорчения.

- Черт побери! Я уже отдал все три камня за шестьсот фунтов!

-
воскликнул он.

Пообещав сэру Джорджу, что против него не будет возбуждено судебное расследование, я узнал адрес скупщика, поехал туда и после долгого торга выкупил у него камни по тысяче фунтов каждый. Затем я отправился к вашему сыну, объяснил ему, что все в порядке, и к двум часам ночи после тяжелого трудового дня добрался домой.

- Благодаря вам в Англии не разразился огромный скандал, - сказал банкир, поднимаясь с кресла. - Сэр, у меня нет слов, чтобы выразить свою признательность. Но вы убедитесь, что я не забуду того, что вы сделали для меня. Ваше искусство превосходит всякую фантазию. А сейчас я поспешу к моему дорогому мальчику и буду просить у него прощения за то, что так с ним обошелся. Что же касается бедняжки Мэри, то ее поступок глубоко поразил меня. Боюсь, что даже вы с вашим богатым опытом не сможете разыскать ее.

- Можно с уверенностью сказать, - возразил Холмс, - что она сейчас там же, где сэр Джордж Бэрнвелл. Несомненно также и то, что, как бы ни расценивать поступок вашей племянницы, она будет скоро наказана.